
АНОНСЫ

КОЛЛИНЗ РЭНДАЛЛ

МАКРОИСТОРИЯ: ОЧЕРКИ СОЦИОЛОГИИ БОЛЬШОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

Пер. с английского Н.С. Розова. М.: URSS, 2014.

Перевод выполнен по изданию:

Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. – Stanford University Press, 1999.

Книга одного из наиболее выдающихся современных социальных исследователей Рэндалла Коллинза является блестящим образцом теоретического и динамического подхода в исторической макросоциологии («макронистории»).

Автор отчасти «собирает сливки» лучших достижений в этом бурно развивающемся направлении, представляя и умело соединяя концепции наиболее глубоких и основательных исторических социологов и историков, таких как Перри Андерсон, Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн, Роберт Вутноу, Мартин Ван Кревельд, Джек Голдстоун, Пол Кеннеди, Вильям Макнил, Майкл Манн, Теда Скочпол, Артур Стинчкомб, Чарльз Тилли, Кеннет Уолц и др. При этом основная часть книги Р. Коллинза посвящена изложению его собственных оригинальных теорий в области долговременной социальной и исторической динамики.

Эти динамические теории посвящены центральным темам исторической макросоциологии. Через особые сочетания условий объясняются расширения и упадки империй, процессы бюрократизации и секуляризации, революции и государственные

распады, в том числе в книге дан детальный анализ известного, сделанного автором в 1980 г., геополитического предсказания распада Варшавского блока и СССР. Представлены оригинальные, также основанные на геополитике, теории демократизации, объединения и разделения этнических групп, концепция развития и кризисов рыночной экономики, причем не только на Западе, но также в средневековых Китае и Японии.

Автор, с одной стороны, опирается на могучую классическую традицию социально-исторической мысли (прежде всего, на идеи М. Вебера, но также К. Маркса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Бендикса, Ф. Боркенау, Б. Мура, К. Боудинга и др.); с другой стороны, выстраивает четкие конструкции динамического взаимодействия переменных, проверяет и уточняет их на обширном историческом материале. Это позволяет ему каждый раз развеивать ходовые мифы и мыслительные шаблоны, распространённые не только в обыденном, но и в научном дискурсе. Р. Коллинз предлагает вместо них смелые, нетривиальные, иногда будоражащие, но солидно обоснованные идеи.

Книга предназначена для социологов, политологов, этнологов, социальных философов, специалистов по военной, экономической и культурной истории, для всех, кому интересны современные до-

стижения мировой науки в объяснении исторической динамики – социальных кризисов и переходов, подъемов и упадков, процессов и трендов большой длительности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Р. Коллинз. Предисловие к русскому изданию

Благодарности

Введение: Золотой век исторической макросоциологии

Глава 1. Центрированная на государстве теория революции и идеологии: достижение зрелости

Глава 2. Геополитическая основа революции: предсказание Советского коллапса

Глава 3. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений

Глава 4. Демократизация извне внутрь: геополитическая теория коллегиальной власти

Глава 5. Идеологическая порка Германии и теория демократической модернизации

Глава 6. Динамика рынков как мотор исторических изменений

Глава 7. Азиатский путь к капитализму

Приложение А. Как моделирование на основе компактной теории может порождать сложные пути истории

Приложение Б. Концепция Боркенау: геополитика языка и культурных изменений

Послесловие. Николай Розов. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и российский контекст

Библиография

Указатель

Аналитическое содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ*

В начале нового русского издания *«Макроистории»* давайте по-новому посмотрим на некоторые основные темы книги. Находимся ли мы до сих пор в Золотом Веке исторической макросоциологии? Да, но уже не в раннем периоде, когда делались первые прорывы, но в зрелом.

Одна из главных полученных в этом Золотом Веке теоретических моделей – военно-фискальная теория современного государства (гл. 1) – была развита и получила еще большее эмпирическое подкрепление. Мигель Сентено в книге *«Кровь и долг. Война и национальное государство в Латинской Америке»*

* С сокращениями.

(2002)¹ дает важное отрицательное сравнение. Государства Латинской Америки обычно не вели внешних войн. А значит, они не проходили через революцию массовой (и дорогой) военной организации, не были вовлечены в создание широкой системы налогообложения, не создавали бюрократический аппарат для государственного проникновения в общество. Результатом стали слабые и несовременные государства с более низким уровнем патриотического самосознания – гражданской идентичности, а также с плохими результатами в сфере демократии, поскольку военные в основном использовались во внутренней фракционной политике и тем самым способствовали расколу, а не объединению. Сентено дает и лучшее объяснение политического развития Латинской Америки, и изящное подтверждение [через негативные случаи, т. е. с другой, чем в нововременных государствах Западной Европы, траекторией] последствий военно-фискального пути развития. Другой обсуждавшейся группой негативных случаев являются африканские государства к югу от Сахары; здесь тоже было очень мало межгосударственных войн, а незначительные вооруженные силы использовались в большей мере для политических репрессий, чем для общенациональной мобилизации. Результатом стали несостоявшиеся, терпящие провалы государства (failed states).

Майкл Манн, один из родоначальников военно-фискальной теории государства, обращает внимание на условия геноцида в книге *«Темная сторона демократии. Объясняя этнические чистки»* (2005)². Массо-

вое уничтожение этнических чужаков – это современное («модерное»), а вовсе не традиционное явление, причем оно особенно характерно для ранних периодов распространения демократии. Традиционные автократии были рады включать разные этнические и религиозные группы, поскольку жили по принципу «разделяй и властвуй»; они практиковали опосредованное управление через местную знать и рассматривали инородцев как дополнительный трудовой ресурс для эксплуатации. Чтобы запретить население в границах национального государства, понадобилась более высокая степень однородности, а популистская идеология народного правления превратила тех, кто разделяет нацию и тем самым угрожает ей, во врагов, даже в нелюдей, которые должны быть изгнаны или уничтожены. Особенно агрессивными были демократии поселенцев на фронтьерах, таких как американский Запад или Австралия, где местные туземные племена не использовались в качестве трудового ресурса фермерами-первопроходцами. Сегодняшние зрелые демократии счастливы, что эти явления геноцида остались в прошлом. Однако, подобно другим крупным историческим макросоциологам, Манн реалистично взирает и на настоящее, и на прошлое: продолжающаяся массовая мобилизация населения при распространении демократических идеалов проходит сегодня через опасные зоны, в которых остаются возможными зверства самого худшего свойства.

В более широком контексте сейчас подходит к своей кульминации эпический многотомный труд Манна – вышел третий том *«Источников социальной власти»* под заглавием *«Глобальные империи и революции,*

¹ Centeno, Miguel Angel. *Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America*. University Park, Pa., Pennsylvania State University Press, 2002.

² Mann, Michael. *The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing*. Los Angeles: University of California, 2005.

1890–1945 гг.»³. Здесь объясняется, почему империи эпохи модерна составляли столь широкий спектр; как сходились политические и финансовые причины, вызвавшие Великую Депрессию, и почему именно тогда наступила эпоха фашизма. Скоро появится и четвертый том⁴. Используя свою четырехмерную матрицу власти^{5*}, Манн показывает, что события становятся переломными моментами, когда пересекаются ведущие источники власти: капиталистический кризис, связанный с Мировой войной в начале XX в., тупик плюралистической политики вкупе с экологическим кризисом – в XXI в. Имеют место разные уровни случайности, но только в пределах структурных тенденций, обусловленных историческим развитием четырех источников власти; это особенно важно из-за существования множественных причин, которые приводят к непредсказуемым пересечениям. В отличие от склонности некоторых теоретиков апеллировать к бесконечным возможным интерпретациям со стороны исторических, Манн более реалистично помещает случайность крупных событий в отношения между различными типами структур.

Геополитическая теория революции, которую я использовал в начале 1980-х гг., чтобы предсказать падение России/Советской империи (см. гл. 2), объединяется с центрированной на государстве теории в том смысле, что распад начинается ско-

³ Mann, Michael. *The Sources of Social Power*. Vol. 3, *Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Los Angeles: University of California, 2012.

⁴ Mann, Michael. *The Sources of Social Power*. Vol. 4, *Globalizations, 1945–2011*. Los Angeles: University of California, 2012.

^{5*} М. Манн, развивая идеи М.Вебера, считает источниками власти четыре сети: политическую, военную, экономическую и культурную/идеологическую (*прим. перев.*).

рее сверху, а не в результате массовой мобилизации снизу; главный кризис – это, прежде всего, фискальное ослабление государства, то есть снижение его способности наполнять бюджет, а вовсе не экономический кризис общества в целом. Учитывая, что военные затраты всегда были основной статьей бюджетных расходов в крупных современных государствах, геополитический баланс между великими мировыми державами ставит их в ситуацию конкурентного напряжения. Это напряжение теперь связано не только с прямыми победами и поражениями в войнах, но также с соперничеством в холодных войнах – в подготовке к битвам, становящейся все более дорогостоящей, поскольку высокие технологии военных действий становятся все дороже и дороже. Таким образом, именно крупные государства, борющиеся за мировую гегемонию, подвержены наибольшему риску фискального кризиса, внутриэлитной борьбы, а следовательно, государственному распаду и структурным революциям.

Давайте попробуем обновить эту теорию, обратившись ко многим революциям – как правило, не очень крупным, которые произошли, начиная с 2000 г. Самыми важными из них были так называемые «цветные революции», имевшие место в бывших советских республиках, таких как Украина, Армения и др., а также недавние восстания «Арабской весны» 2011 г. Эти революции, как представляется, совершались по другой парадигме: не будучи вызванными геополитикой или фискальным кризисом государства, они показывают некий процесс мобилизации снизу: народные протесты, получающие огласку в новостных средствах массовой информации, а теперь еще и в новых электронных социальных медиа, перерастают в массовые

столкновения с кульминацией в собраниях огромных толп мужчин, женщин и детей в центральных общественных местах. В основном люди использовали методы ненасильственного протеста, представляя себя как невинно живущий и исполненный идеализма народ, противостоящий дряхлым, устаревшим диктатурам и их жестоким силовым репрессиям. Хотя имели место несколько неудач, в ряде случаев такие народные протесты были эффективны и добились смены режима. Но давайте вспомним о более глубоком смысле революции: это не просто замена одного ряда лидеров другим, но структурная трансформация общества. Такие структурные изменения, которые были характерны для крупных исторических революций – Французской революции 1789 г., Китайской революции 1949 г., Русских революций 1917 и 1991 гг., – были связаны с глубокими структурными кризисами всей жизнеспособности государства и его отношения к обществу, поскольку государства терпели финансовые и военные провалы, а также глубокие расколы между элитами, имевшими различные структурные основы в старом режиме. Эти кризисы не могут быть преодолены только заменой одного состава лидеров другим составом.

Напротив, восстания «Арабской весны», даже самые успешные, смогли лишь избавиться от конкретных лидеров или правящих семей. То, почему они не пошли дальше в проведении структурных преобразований, связано с процессами самой революции. Эти восстания не начинались ни с фискального кризиса государства, ни с раскола элит; вместо этого они были массовыми движениями, необычайно успешными в мобилизации большого числа людей и создании особого фокуса внимания в некоем центральном месте. Площадь Тахрир в

Каире является архетипом для такого рода революций, здесь произошел переломный момент – общий эмоциональный порыв, возможно, разделявшийся миллионами людей. Если они могут удерживать свою эмоциональную солидарность в течение нескольких недель, то вызывают колебания лояльности в полиции и вооруженных силах, а в конечном итоге сторонники режима вдруг покидают своего прежнего лидера и переходят на сторону восставших. Такой переломный момент вызывает огромный энтузиазм – эмоциональный подъем, но при этом упускается из вида сама структура; революционная мобилизация удерживается, главным образом, символической целью избавиться от конкретного лидера, воплощающего собой старый режим, но самой этой мобилизации не хватает собственной структуры, а поскольку прежние элиты не раскололись и не были ослаблены фискальным или геополитическим кризисом, после угасания энтузиазма они, как правило, вновь заявляют о себе. Момент максимального единства сил революции – это как раз апогей требований ухода прежнего лидера, тогда как после празднования этого ухода сами протестные массы, как правило, распадаются на соперничающие группы интересов.

Есть и другие варианты развертывания событий в восстаниях «Арабской весны»; в некоторых из них массы людей оказались не способны создать переломный момент, поэтому данные революции не смогли пройти быстро и относительно ненасильственным путем, как это происходит, когда силы режима присоединяются к требованиям смещения их бывшего лидера. Вместо этого некоторые восстания ведут к распаду на соперничающие, географически разнесенные бастионы, а это при-

водит к полномасштабным гражданским войнам. Результаты этих войн определяются не столько местными силами, сколько внешней военной интервенцией, из-за чего революция еще в меньшей степени оказывается объединяющим нацию процессом (таковы были события, например, в Ливии, Йемене, Бахрейне, Сирии). Таким образом, революции «Арабской весны» в конечном итоге укрепили теоретическую значимость модели революции как государственного распада; они являют собой негативные случаи – примеры того, что происходит, когда революция не начинается с геополитического/фискального кризиса наверху – тогда оказывается гораздо труднее проводить основные структурные преобразования. «Цветные революции» в бывших республиках СССР демонстрируют тот же паттерн; имеет место временный успех народных движений, но мало проводится структурных преобразований, и в течение нескольких лет прежние местные элиты, как правило, восстанавливают свою власть.

Давайте применим эти соображения к событиям в России, начиная с 1991 г. Революции 1989–1991 гг. соответствуют классической модели геополитического напряжения, фискального кризиса и распада государства через борьбу между государственными элитами (см. гл. 1). Фискальные напряжения, порожденные сочетанием военных расходов, которые были связаны с геополитикой холодной войны, а также растущее отставание экономического роста от западного капитализма не могли быть преодолены ограниченными реформами Горбачева. Предоставление автономии народам Восточной Европы привело к нарастающей волне народных движений и впоследствии дало возможность элитам

расколоться по линиям национальных республик СССР; вся геополитическая расстановка сил претерпела сдвиг, что привело к подобной трансформации всей структуры бывшей советской политики и экономики (см. гл. 2). Это была, несомненно, одна из великих структурных революций в мировой истории, затронувшая все уровни общества.

В переходный период произошел огромный рост неравенства; шли битвы организованных преступных групп, в экономике поднялись олигархи; фракцией тогдашних революционеров была перестроена государственная власть; ставка была сделана на использование нового аппарата безопасности и его средства для получения финансов через коррупцию, то есть взятки давались за официальную защиту. Режим Путина, вышедший из переходного режима Ельцина, выиграл благодаря усмирению внутренних конфликтов и подавлению влияния олигархов, благодаря подъему цен на нефть, как раз тогда случившемуся на мировом рынке, а также благодаря способности России осуществлять некую степень геополитического могущества своих прежних сателлитов – национальных республик бывшего СССР, что делает теперь Россию пусть уже не соперником за мировое влияние, но региональным гегемоном.

В главе о воздействии геополитики на демократизацию я отмечал, что демократия – это не только широкое избирательное право, но также коллегиальная структура разделения власти между центрами принятия решений (гл. 4). Само по себе право всего населения выбирать голосованием своих лидеров не приводит автоматически к функционирующей демократии, а при отсутствии баланса между цен-

трами силы результатом становится плебисцитарная автократия. В целом как раз это и вылился путинский режим, при котором после периода популярности за борьбу с худшими явлениями в периоде преобразований верховная власть стала удерживаться через проводимые сверху манипуляции выборами. Авторитарные режимы, так же как и протестные движения, обучаются, следя за тем, что происходит в других местах; способы массовой мобилизации популярных социальных движений, используемые в «цветных революциях» и в событиях «Арабской весны», — это как раз то, что нынешний российский режим пытается избежать, ограничивая возможности людей собираться и демонстрировать недовольство. В этом отношении Россия подражает недавней тактике китайского режима.

В начале XXI в. важным явлением в мире стала растущая роль народных сил с низовой мобилизацией, с использованием социальными движениями давления прямого действия в целях политических изменений. В своей крайней форме цель заключается в создании критической точки, когда в момент подъема коллективной эмоции свергаются лидеры старого режима. Но это случается редко, а последствия такого события при отсутствии глубоких структурных кризисов, как правило, не особенно значительны.

Давайте добавим сюда еще один момент. В свое время тема азиатского пути к капитализму (гл. 7) вызывала удивление, но теперь достигнуто значительное согласие относительно того, что Восточная Азия была центром мировой экономики до подъема Запада. Некоторые авторы из миросистемной школы, включая таких, как Андре Гундер Франк и Джованни Ар-

риги, присоединились к тем, кто считает Китай следующей державой-гегемоном мирового капитализма, начиная с 2020 г. или 2030 г. На такие прогнозы нужно смотреть с осторожностью, так как нынешние темпы роста в Китае отнюдь не обязательно сохранятся в течение длительного времени.

Существует еще одно важное дополнительное соображение. Капитализм сегодня вступил в ту фазу, в которой представляется возможным общемировой системный кризис. Переход экономики к информационным технологиям не только объединяет различные регионы мира в большей степени, чем когда-либо ранее, но также оказывает давление на занятость среднего класса. Уже имеет место высокая конкуренция для представителей среднего класса за рабочие места, притом что во всех развитых странах ручной труд сократился до незначительной доли рабочей силы. В настоящее время информационные технологии в различных формах заменяют компьютерами многие рабочие места представителей среднего класса. Вдобавок к этому уже начинается эпоха широкого использования роботов вместо людей. Старое марксистское предсказание кризиса капитализма вследствие механизации ручного труда теперь становится актуальным в новой форме; в течение XX в. механизация труда рабочего класса была компенсирована ростом объемов труда для среднего класса, но сейчас труд самого среднего класса вступает в кризисную эпоху⁶.

Выше было отмечено, что революции снизу при отсутствии структурного кризи-

⁶ См. об этом подробнее: Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология, 2010, 1: 35–50. <http://polis.isras.ru/files/File/puvlication/Makarenko/Collins.pdf> (прим. перев.).

са остаются относительно незначительными по своим последствиям, а часто вообще оказываются неудачными. Возрастающее давление на капитализм является одним из таких структурных кризисов, который будет надвигаться на протяжении последующих десятилетий. Как именно это проявится в разных странах, зависит от многих случай-

ных обстоятельств, но, как отмечал Манн, самые важные непредвиденные обстоятельства происходят одновременно при схождении структурных кризисов в различных сферах господства. В ближайшие несколько десятилетий XXI в., особенно в 2030–2050 гг., вероятно, будут происходить новые громадные преобразования.

Рэндалл Коллинз

июль 2012 г. – январь 2014 г., Филадельфия